

Лев Николаевич

ГУМИЛЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЭТНОГЕНЕЗ И БИОСФЕРА ЗЕМЛИ
ОТ РУСИ ДО РОССИИ
КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94
ББК 63.3(0)
Г94

*Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.*

Гумилев, Лев Николаевич.

Г94 Полное собрание сочинений / Л.Н. Гумилев. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 1024 с. : ил. – (*Вся история в одном томе*).

ISBN 978-5-17-105299-7

В книгу включены важнейшие работы Л.Н. Гумилева: «От Руси до России», «Конец и вновь начало», «Этногенез и биосфера Земли».

В первой книге известный русский историк и географ рассматривает историю России, которая тесно переплетается с историей соседних государств и племен. Сочетание традиционных приемов исторического исследования с глубоким географическим анализом позволило автору создать целостную картину развития Российского государства в контексте мировой истории.

«Конец и вновь начало» представляет собой цикл лекций по народоведению, прочитанных автором в 1980-е годы. Положения уникальной теории пассионарности, созданной ученым, представлены в занимательной форме и проиллюстрированы примерами из жизни народов Античности и Средневековья.

А исследование «Этногенез и биосфера Земли» посвящено выявлению закономерностей взаимодействия этносов и ландшафтов в истории.

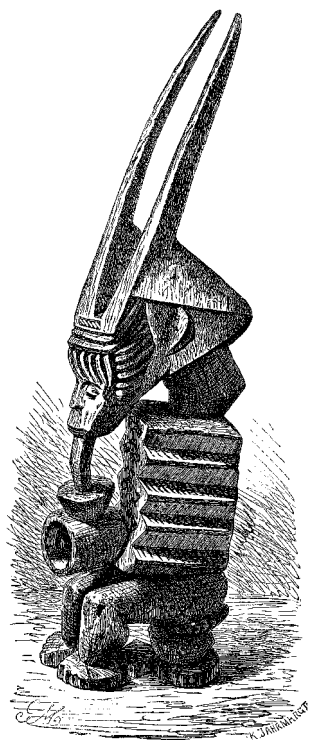
Каждый из читателей найдет в монументальном труде гениального русского историка, географа и философа Л.Н. Гумилева то, что будет интересно именно ему.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-105299-7

© Л.Н. Гумилев, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЭТНОГЕНЕЗ И БИОСФЕРА ЗЕМЛИ

Введение

О ЧЕМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ И ПОЧЕМУ СИЕ ВАЖНО

*в котором обосновывается необходимость этнологии
и излагается взгляд автора на этногенез, без аргу-
ментации, коей посвящена остальная часть трактата,
где автор поведет читателя через лабиринт про-
тиворечий*

БОЯЗНЬ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Когда читатель нашего времени покупает и открывает новую книгу по истории или этнографии, он не уверен, что прочтет ее даже до середины. Книга может показаться ему скучной, бессмысленной или просто не отвечающей его вкусу. Но читателю-то еще хорошо: он просто потерял два—три рубля, а каково автору? Сборы сведений. Постановка задачи. Десятилетия поисков решения. Годы за письменным столом. Объяснения с рецензентами. Борьба с редактором. И вдруг все впустую — книга неинтересна! Она лежит в библиотеках... и ее никто не берет. Значит, жизнь прошла даром.

Это так страшно, что необходимо принять все меры для избежания такого результата. Но какие? За время обучения в университете и в аспирантуре будущему автору нередко внушается мысль, что его задача — выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже.

Все это, конечно, правильно, но вот беда — читать про это никто не хочет, даже сам автор. Во-первых, потому, что это и так известно, а во-вторых, потому, что это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели. И, наконец, почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было. Все перечисленные вопросы целиком относятся к избранной нами теме — внезапному усилению того или иного народа и последующему его исчезновению. Яркий пример тому — монголы XII—XVII вв., но и другие народы подчинялись той же закономерности. Покойный академик Б.Я. Владимирцов четко

сформулировал проблему: «Я хочу понять, как и почему все это произошло?», но ответа не дал, как и другие исследователи. Но мы снова и снова возвращаемся к этому сюжету, твердо веруя, что читатель не закроет книгу на второй странице.

Совершенно ясно, что для решения поставленной задачи мы должны прежде всего исследовать саму методику исследования. В противном случае эта задача была бы уже давно решена, потому что количество фактов столь многочисленно, что речь идет не об их пополнении, а об отборе тех, которые имеют отношение к делу. Даже современники-летописцы тонули в море информации, что не приближало их к пониманию проблемы. За последние века много сведений добыли археологи, летописи собраны, изданы и сопровождаются комментариями, а востоковеды еще увеличили запас знаний, кодифицируя различные источники: китайские, персидские, латинские, греческие, армянские и арабские. Количество сведений росло, но в новое качество не переходило. По-прежнему оставалось неясным, каким образом маленькое племя иногда оказывалось гегемоном полумира, затем увеличивалось в числе, а потом исчезало.

Автор данной книги поставил вопрос о степени нашего знания, а точнее — незнания предмета, которому исследование посвящено. То, что на первый взгляд просто и легко, при попытке овладеть сюжетами, интересующими читателя, превращается в загадку. Поэтому обстоятельную книгу писать надо. К сожалению, мы не можем сразу предложить точные дефиниции (которые, вообще говоря, весьма облегчают исследование), но по крайней мере мы имеем возможность сделать первичные обобщения. Пусть даже они не исчерпают всей сложности проблемы, но в первом приближении позволят получить результаты, вполне пригодные для интерпретации этнической истории, которую еще предстоит написать. Ну, а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия «этнос», то можно сказать так: этнос — феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий. Если этого достаточно для понимания, то книгу дальше можно не читать.

ЭТНОСЫ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВИДА HOMO SAPIENS

Больше ста лет ведутся дискуссии: изменяется ли биологический вид *Homo sapiens* или социальные закономерности полностью вытеснили механизм действия видообразующих факторов? Общей для человека и всех других живых существ является

необходимость обмениваться со средой веществом и энергией, но отличается он от них тем, что почти все необходимые для него средства существования вынужден добывать трудом, взаимодействуя с природой не только как биологическое, но прежде всего как социальное существо. Условия и средства, производительные силы и соответствующие им производственные отношения непрерывно развиваются. Закономерности этого развития исследуются марксистской политической экономией и социологией.

Однако социальные закономерности развития человечества не «отменяют» действия закономерностей биологических, в частности мутаций¹, и исследовать их необходимо, дабы избежать теоретической односторонности и практического вреда, который мы наносим сами себе, игнорируя или сознательно отрицая нашу подчиненность не только социальным, но и более общим закономерностям развития.

Методологически начать такое исследование можно исходя из преднамеренного отвлечения от конкретных способов производства. Такая абстракция представляется оправданной, в частности потому, что характер этногенеза существенно отличается от ритмов развития социальной истории человечества. При таком способе рассмотрения, как мы надеемся, яснее станут контуры механизма взаимодействия человечества с природой.

Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит, они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза населяемого ими региона. А коль скоро так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, domestikаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты, как преобразованные человеком, так и девственные, богатства недр, взаимоотношения с соседями — либо дружеские, либо враждебные, ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков (от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры. Эту динамическую систему можно назвать этноценозом. Она возникает и рассыпается в историческом времени, оставляя после себя памятники человеческой деятельности, лишенные саморазвития и способные только разрушаться, и этнические реликты, достигшие фазы гомеостаза. Но каждый процесс этногенеза оставляет на теле земной поверхности неизгладимые следы, благодаря которым возможно установление общего характера закономерностей этнической истории. И теперь, когда спасение природы от разрушительных антропогенных воздействий стало главной проблемой науки, необходимо уяснить, какие стороны деятельности человека были губительны для ландшафтов, вмещающих этносы. Ведь разрушение природы с губительными последствиями для людей — беда не только нашего времени, и

оно не всегда сопряжено с развитием культуры, а также с ростом населения.

Ставя вопрос о взаимодействии двух форм закономерного развития, необходимо условиться об аспекте. Речь может идти либо о развитии биосферы в связи с деятельностью человека, либо о развитии человечества в связи со становлением природной среды: биосферы и косного вещества, составляющего другие оболочки Земли — литосферу и тропосферу. Взаимодействие человечества с природой постоянно, но крайне вариабельно и в пространстве, и во времени. Однако за видимым разнообразием кроется единый принцип, характерный для всех наблюдаемых феноменов. Поэтому поставим вопрос именно так!

Природа Земли весьма разнообразна; человечество в отличие от прочих видов млекопитающих тоже разнообразно, ибо человек не имеет природного ареала, а распространен, начиная с верхнего палеолита, по всей суше планеты. Адаптивные способности человека на порядок больше, чем у прочих животных. Значит, в разных географических регионах и в разные эпохи люди и природные комплексы (ландшафты и геобиоценозы) взаимодействуют по-разному. Сам по себе этот вывод бесперспективен, так как калейдоскоп не поддается исследованию, но попробуем внести в проблему классификацию... и все будет по-иному. Между закономерностями природы и социальной формой движения материи существует постоянная корреляция. Но каков ее механизм и где точка соприкосновения природы и общества? А эта точка есть, иначе не возникло бы вопроса об охране природы от человека.

С.В. Калесник предложил разделить географию на: 1) экономическую, исследующую творения людей, и 2) физическую, изучающую природные оболочки Земли, в том числе биосферу². Очень разумное деление. Природа творит то, чего мы творить не можем: горы и реки, леса и степи, новые виды животных и растений. А люди строят дома, сооружают машины, ваяют статуи и пишут трактаты. Природа этого делать не может.

Есть ли между творениями природы и человека принципиальная разница? Да! Элементы природы переходят в друг друга... «Этот камень рычал когда-то, этот плющ парил в облаках». Природа живет вечно, набухая той энергией, которую получает от Солнца и звезд нашей Галактики и радиоспада в глубинах нашей планеты. Биосфера планеты Земля побеждает мировую энтропию путем биогенной миграции атомов, стремящихся к расширению³. И наоборот, предметы, созданные человеком, могут или сохраняться, или разрушаться. Пирамиды стоят долго, Эйфелева башня так долго не простоит. Но не вечны ни те, ни другая. В этом принципиальная разница между биосферой и техносферой, какие бы грандиозные размеры последняя ни приобрела.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзорение современного состояния науки об этносе должно повергнуть читателя в недоумение. Все пишущие на эту тему авторы, в том числе этнографы, по существу подменяют подлинные этнологические характеристики профессиональными, сословными и т.д., что, собственно, равнозначно отрицанию этноса как реальности. О существовании этноса говорит только то, что он непосредственно ощущается людьми как явление (феномен), но ведь это не доказательство. Поэт сказал: «И день, и ночь пред нами солнце ходит, однако прав упрямый Галилей». И действительно, у этнолога есть некоторые основания для пессимизма, кажущиеся на первый взгляд непреодолимыми.

Этнология — это рождающаяся наука. Потребность в ней возникла лишь во второй половине XX в., когда выяснилось, что простое накопление этнографических собраний и наблюдений грозит тем, что наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство. И вот возникли на наших глазах обществоведение и этнология — две дисциплины, интересующиеся одним, на первый взгляд, предметом — человечеством, но в совершенно разных аспектах. И это закономерно. Каждый человек одновременно — член социума и член этноса, а это далеко не одно и то же. Равным образом этнология как наука требует определения. Скажем пока так, что этнология — это наука об импульсах поведения этнических коллективов, подобная этологии, науке о поведении животных. Импульсы могут быть сознательными и эмоциональными, диктоваться личной волей индивида, традицией, принудительным воздействием коллектива, влиянием внешней обстановки, географической среды и даже спонтанным развитием, поступательным ходом истории. Для того чтобы разобраться в столь сложном вопросе, нужна соответствующая методика. Методика может быть либо традиционной методикой гуманитарных наук, либо естественнонаучной. Какую же следует выбрать для успешного преодоления трудностей, возникающих перед ученым, взявшимся за совершенно новую область науки?

Прежде всего уточним понятие «гуманитарные науки». В средние века в Христианском мире единственным абсолютно авторитетным источником научной информации были две книги: Библия и сочинения Аристотеля. Наука сводилась к комментированию цитат, которые нужно было приводить точно, потому что безграмотные ересиархи часто выдумывали якобы цитируемые изречения пророков, Христа и Аристотеля. Отсюда возникла система ссылок на текст, удержавшаяся до настоящего времени. Эта ступень науки называлась схоластикой, и к XV в. она перестала удовлетворять ученых. Тогда был расширен круг источников — привлекались сочинения других древних авторов, тексты которых нуждались в проверке. Так возникла гуманитарная (то есть чело-

веческая, а не божественная) наука — филология, отличающаяся от схоластики критическим подходом к текстам. Но источник был все тот же — чужие слова. После эпохи Возрождения крупные натуралисты противопоставили гуманитарным способам получения информации естествоиспытание, основанное на наблюдении природы и эксперименте. Сменилась постановка вопроса: вместо «что сказали древние авторы?» пытались выяснить «что есть на самом деле?» Как видим, изменился не предмет изучения, а подход и, соответственно, методика.

Новая методика завоевывала признание медленно и неравномерно. Еще в 1633 г. Галилею пришлось отречься от того, что Земля вертится вокруг Солнца, причем его противники апеллировали к тому, что таких сведений в известной им литературе нет. В XVIII в. Лавуазье на заседании Французской Академии наук объявил «антинаучным» сообщение о падении метеорита: «Камни с неба падать не могут, потому что на небе нет камней!» География только в XIX в. избавилась от легенд об амазонках, волосатых людях, гигантских спрутах, топящих корабли, и прочей беллетристики, которую читатели, находившиеся на обывательском уровне, воспринимали буквально. Труднее всего было историкам, которые не могли ни поставить эксперимент, ни повторить наблюдение. Но тут пришел на выручку монистический подход, который позволил провести критику источника, как компаративную, так и внутреннюю. Благодаря многим кропотливым исследованиям были составлены кодексы бесспорных фактов с хронологическими привязками, а часть сомнительных сведений отвергнута. Это огромное богатство знаний может принести пользу лишь тогда, когда оно будет приложено к определенному объекту, будь то социальные общности — классы, или политические целостности — государства, или этносы, которые нас интересуют. В последнем случае факты истории превращаются в «информационный архив» и служат целям этнологии наряду с другими сведениями: географическими, биологическими, биофизическими и биохимическими, что при наличии творческого синтеза дает возможность трактовать этнологию как естественную науку, построенную на достаточном количестве достоверных наблюдений, зафиксированных во время накопления первичного материала.

А теперь вернемся к кардинальному тезису: можно ли считать, что этнография, как описательная, так и теоретическая, вышла из поля зрения географии и всецело принадлежит сфере исторических наук? Нет, и еще раз нет! Такая позиция, на наш взгляд, беспочвенна и деструктивна. Она ведет науку к оскудению, то есть упрощению за счет сокращения эрудиции научного сотрудника. Ему-то, конечно, легче, но его работа теряет перспективность и перестает представлять интерес для читателя. Боюсь, что упорное несогласие с поставленным здесь тезисом

приведет к компрометации не только исторической методике, применяемой не для того, для чего она была разработана, но и самой науки — этнографии. Ибо для нее есть только один путь развития — превращение в этнологию, где наряду с собиранием и описанием материала идет интерпретация его под тем углом зрения, который продиктован постановкой проблемы.

ЭКСКУРС В ФИЛОСОФИЮ

Здесь должно быть предельно кратким. Поскольку мы исходим из того, что этнос в своем становлении — феномен природный, то основой его изучения может быть только философия естествознания, то есть диалектический материализм. Исторический материализм ставит своей целью раскрытие законов общественного развития, то есть относится, по выражению К. Маркса, к истории людей, а не истории природы, находящейся в телах людей. И хотя обе эти «истории» тесно переплетены и взаимосвязаны, научный анализ требует уточнения угла зрения, то есть аспекта. Привлекаемый нами исторический материал — наш информационный архив, не более. Для целей анализа это необходимо и достаточно. По данному поводу К. Маркс выразился четко: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука»⁴. Ныне мы стоим на пороге создания такой науки.

Когда же речь пойдет о синтезе, то соответственно изменится подход к проблеме. Но, как известно, анализ предшествует синтезу, и нет нужды забегать вперед. Скажем только, что и тогда основы научного материалистического естествознания останутся неизблемыми. Условившись о значении терминов и характере методики, перейдем к постановке проблемы.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО КАК ВИД *HOMO SAPIENS*

Принято говорить: «Человек и Земля» или «Человек и Природа», хотя еще в средней школе объясняют, что это элементарный, примитивный антропоцентризм, унаследованный от Средневековья. Да, конечно, человек создал технику, чего не создал ни динозавр мезозойской эры, ни махайродус эры кайнозойской. Однако при всех достижениях XX в. каждый из нас несет внутри себя природу, которая составляет содержание жизни, как индивидуальной, так и видовой. И никто из людей, при прочих равных условиях, не откажется от того, чтобы дышать и есть, избегать гибели и охранять свое потомство. Человек остался в пределах вида, в пределах биосферы — одной из оболочек планеты Земля. Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими яв-

лениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопряченности стихии, его породившей.

Человечество как биологическая форма — это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но за исключением полярных льдов вся Земля — обиталище человека. И не следует думать, что где-нибудь есть «девственные» земли, куда не ступала нога человека. Нынешние пустыни и дебри наполнены следами палеолитических стоянок; леса Амазонки растут на переотложенных почвах, некогда разрушенных земледелием древних обитателей; даже на утесах Анд и Гималаев найдены следы непонятных нам сооружений. Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности Земли. Он, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения⁹. Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности. Что же?

В отличие от большинства млекопитающих, *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как социум, то как этнос. Вернее сказать, каждый человек является одновременно и членом общества, и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес или степень нагрева и электрический заряд.

Социальное развитие человечества хорошо изучено, и его закономерности сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие социальных форм через общественно-экономические формации присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и с его биологической структурой никак не связано. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться. Зато вопрос о народностях, которые мы будем именовать во избежание терминологической путаницы этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно — вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» — ответит: «русский», «француз», «перс», «масаи» и т.д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании — явление всеобщее. Но это еще не все.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЭТНОС»

Какое значение или, главное, какой смысл вкладывает каждый человек из числа перечисленных в свой ответ? Что он называет своим народом, нацией, племенем и в чем он видит свое отличие от соседей — вот нерешенная до сих пор проблема этнической

диагностики. На бытовом уровне она не существует, подобно тому как не требует определения различие между светом и тьмой, теплом и холодом, горьким и сладким. Иными словами, в качестве критерия выступает ощущение. Для обыденной жизни этого достаточно, но для понимания мало. Возникает потребность в определении. Но тут начинается разнобой. «Этнос — явление, определяемое общностью происхождения»; «этнос — порождение культуры на базе общего языка»; «этнос — группа людей, похожих друг на друга»; «этнос — скопище людей, объединенное общим самосознанием»; «этнос — условная классификация, обобщающая людей в зависимости от той или иной формации» (это означает, что категория этноса нереальна); «этнос — порождение природы»; «этнос — социальная категория».

Обобщая разнообразные в деталях взгляды советских ученых на соотношение природы и общественного человека, можно выделить три точки зрения: 1. «Единая» география сводит всю деятельность человека к природным закономерностям⁶. 2. Некоторые историки и этнографы считают все феномены, связанные с человечеством, социальными, делая исключение лишь для анатомии и отчасти физиологии⁷. 3. В антропогенных процессах различаются проявления общественной и комплекса природных (механическая, физическая, химическая и биологическая) форм движения материи. Последняя концепция представляется автору единственно правильной.

Особое место занимает точка зрения М.И. Артамонова, известного археолога и историка хазар. По его мысли, родившейся вследствие долгих занятий археологическими, то есть мертвыми культурами и памятниками, лишенными саморазвития, но разрушающимися от течения времени (об этом см. выше), «этнос, как и класс, не социальная организация, а состояние, при этом зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень; это прописная истина»⁸. Согласиться трудновато.

Начнем с последнего тезиса. Организм человека входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза. Никто не может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполным путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты, что он может не есть или, наоборот, съесть обед на 40 человек, или что на него иначе действует земное тяготение. А ведь это все зависимость от природы того самого организма, который действует и мыслит, приспосабливается к изменяющейся среде и изменяет среду, приспосабливая ее к своим потребностям, объединяется в коллективы и в их составе создает государства. Мыслящая индивидуальность составляет единое целое с организмом и, значит, не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля. Но вместе с тем человек отличается от прочих животных тем, что изготавливает орудия, создавая качественно иную про-

слойку — техносферу. Произведения рук человека как из косного, так и из живого вещества (орудия, произведения искусства, домашние животные, культурные растения) выпадают из цикла конверсии биоценоза. Они могут лишь либо сохраняться, либо, ежели не законсервированы, разрушаться. В последнем случае они возвращаются в лоно природы. Брошенный в поле меч, перержавев, превращается в окись железа. Разрушенный замок становится холмиком. Одичавшая собака делается диким зверем динго, а лошадь — мустангом. Это смерть вещей (техносферы) и обратный захват природой похищенного у нее материала. История древних цивилизаций показывает, что природа хотя и терпит урон от техники, но в конечном счете берет свое, разумеется, за исключением тех предметов, которые преобразены настолько, что стали необратимы. Таковы кремневые орудия времен палеолита, отшлифованные плиты в Баальбеке, бетонированные площадки и пластмассовые изделия. Это трупы, даже мумии, которые биосфера не в силах вернуть в свое лоно, но процессы косного вещества — химические и термические — могут вернуть их в первозданное состояние в том случае, если нашу планету постигнет космическая катастрофа. А до тех пор они будут называться памятниками цивилизации, ибо и наша техника когда-нибудь станет памятником.

Приняв предложенную С.В. Калесником классификацию за основу, мы должны найти в ней место для феномена этноса. Забегая вперед, скажем, что этносы — явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли. Пусть это выглядит как декларация, но теперь читатель знает, ради чего написана эта книга, автор которой не просто стремился дать формулировку, а показать весь путь, которым она была достигнута, и основания, убеждающие в том, что она на сегодняшнем уровне науки отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным гипотезам. После этого мы можем перейти к системе доказательств.

Часть первая

О ВИДИМОМ И НЕВИДИМОМ

*где доказывается, что поверхностные наблюдения
уводят исследователя на ложный путь, и предлага-
ются способы самоконтроля и самопроверки*

I. О полезности этнографии

НЕСХОДСТВО ЭТНОСОВ

Когда какой-либо народ¹ долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры, поведение, вкусы, воззрения и социальные взаимоотношения, то есть все то, что ныне именуется «стереотипом поведения», единственно возможны и правильны. А если и бывают где-нибудь какие-либо отклонения, то это — от «необразованности», под которой понимается просто непохожесть на себя. Помню, когда я был ребенком и увлекался Майн Ридом, одна весьма культурная дама сказала мне: «Негры — такие же мужики, как наши, только черные». Ей не могло прийти в голову, что меланезийская колдунья с берегов Малаиты могла бы сказать с тем же основаньем: «Англичане — такие же охотники за головами, как мы, только белого цвета». Обывательские суждения иногда кажутся внутренне логичными, хотя и основываются на игнорировании действительности. Но они немедленно разбиваются при соприкосновении с оной.

Для средневековой науки Западной Европы этнография была не актуальна. Общение европейцев с иными культурами ограничивалось бассейном Средиземного моря, на берегах которого жили потомки подданных Римской империи, частично обращенные в ислам. Это, конечно, разделяло их с «франками» и «латинами», то есть французами и итальянцами, но наличие общих корней культуры делало разницу не настолько большой, чтобы исключить взаимопонимание. Но в эпоху великих географических открытий положение изменилось коренным образом. Если даже можно было назвать негров, папуасов и североамериканских индейцев «дикарями», то этого нельзя было сказать ни про китайцев, ни про индусов, ни про ацтеков и инков. Надо было искать другие объяснения.

В XVI в. европейские путешественники, открыв для себя далекие страны, невольно стали искать в них аналогии с привычными им формами жизни. Испанские конкистадоры стали